

Мамин-Сибиряк Д. Н. Три конца // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3: Три конца: Уральская летопись; Рассказы. М.: Книжный Клуб Книговек, 2012. С. 5-432.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Хлеб // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6: Хлеб: Роман; Рассказы и сказки для детей. М.: Книжный Клуб Книговек, 2012. С. 5-440.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Дикое счастье: роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 320 с.

Мельникова А. В. Типология женских образов в малой прозе 1880-х гг. // Творческое наследие Д.Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения / под общ.ред. О.В. Зырянова. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2013. –С. 74-82.

Соболева Л. С. Полярная аксиология родового мира // Творческое наследие Д.Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения / под общ.ред. О.В. Зырянова. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2013. С. 82-95.

Соболева Л. С. Природные стихии в романе Д.Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» (ElementsofnatureinD.N.Mamin-Sibiryak'snovelBREAD) // QuaestioRossica, 2015. С. 52-70. DOI 10.15826/qr.2015.2.095

Щенникова Л. П. Урал и Россия в романах Д. Н. Мамина-Сибиряка[Электронный ресурс]. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/19458/1/fu9-1986-11.pdf> (дата обращения 18.04.2015)

Колосова А. Д., Екатеринбург
(науч. рук. – Семухина И. А.)

«...Не свадьба это была, а похороны»: элементы погребальной обрядности в повести Н. С. Лескова «Житие одной бабы»

Kolosova A. D.

"...It was not a wedding, but a funeral": Elements of Funeral Rites in N. S. Leskov's "Life of One Woman"

В статье рассматривается глубинное сходство обрядовой ситуации свадебного и погребального действ, которое обуславливает близость их образно-мотивных планов. Предлагается самостоятельный анализ образов и мотивов погребальной обрядности, заложенных в подтексте повести Н. С. Лескова «Житие одной бабы», особенно в эпизодах описания свадьбы. Особое внимание обращается на детали портрета героини (уподобление покойнику), этапы обряда (обряжание невесты / обряжание покойника, венчание / отпевание и т.п.), пространственные образы (порог, кибитка-гроб, яма-могила), лейтмотив смерти, холода и др. Отмечается взаимосвязь фольклорной и агиографической традиций в повести Лескова, необходимых для воплощения как судьбы страдающей и погибающей героини, так и проблемы столкновения народной нравственности с бездуховным обществом.

Ключевые слова: русская литература, традиция, фольклор, свадебный обряд, похоронный обряд, мотив, Н.С. Лесков.

The article reveals the artistic role of funeral rite elements, the mythological basis of which has much in common with the wedding rite, in N. S. Leskov's story «The Life of the one Woman». Discovered images and motifs made it possible to see in the subtext of the description of the wedding and the creativity of the hero the plot of her burial, gradual dying, decomposition. The author of the article comes to the conclusion about the correlation of "life" and "death" in the image of the main hero, the embodiment in the story is not so much "life" as a protracted death.

Keywords: russian literature, tradition, folklore, wedding rite, funeral rite, motive, N.S. Leskov.

В повести «Житие одной бабы» (1864) важнейшую сюжетообразующую роль в воплощении судьбы главной героини играет описание свадебного обряда. В событийной канве повести можно увидеть целый ряд этапов общерусской его модели, воспроизведенных Н. С. Лесковым, – сватовство, рукобיתье, венчание и т.п. Но автор замечает: «Говорил народ, что *не свадьба это была, а похороны*. Всего было довольно: питья, и еды, и гостей званых; не было только веселья да радости» [Лесков 1973: 132]².

Свадебный обряд исторически тесно связан с погребальным, что обусловлено генетическим родством с древнейшим обрядом инициации. Символика свадебного обряда воплощает идею перехода, которая предполагает условное умирание участника действия с последующим возрождением, обновлением, вступлением в новый жизненный цикл. Эта же идея лежит в основе погребального обряда, однако в нем условное умирание вытесняется реальным. Данное типологическое сходство обусловило сближение семантики этих двух ритуальных действий как в сознании носителей традиции, так и в научном дискурсе [Байбурин 1990: 64–99]. Глубинное сходство обрядовой ситуации обусловило и близость образно-мотивного плана названных действий.

По наблюдениям О. А. Седаковой, «у писателей XIX-XX вв., одаренных мифологическим вкусом, мотивы смерти, умерших, загробного мира возникают с удивительной этнографической точностью, во всей своей первобытной

---

² Здесь и далее курсив в цитатах наш. – А. К.

детальности» [Седакова 2004: 17]. В повести Лескова образы и мотивы погребальной обрядности заложены в подтексте, начиная с эпизодов свадебного обряда.

Мы наблюдаем изменения в образе героини, характерные скорее для человека, совершающего окончательный переход в мир иной, нежели для человека, готового переродиться и ожить вновь. Уже при первом упоминании о замужестве с Григорием – эпизод объявления воли Костика – героиня «как полотно белая стала» [Лесков 1973: 123]. Мертвенная бледность героини в последующем будет только усиливаться. Например, в эпизоде со святочными гаданиями. Когда девушки нагадали Насте скорое замужество, она «надела поданное ей колечко, а сама *бледная как смерть*; смотрит зорко, словно ничего не видит и не слышит» [Лесков 1973: 127]. Чем ближе к свадебному дню, тем больше в образе героини наблюдается нагнетание мертвенности: «Лицо стало такое длинное да бледное, как воск, а черные волосы еще более увеличивали эту бледность» [Лесков 1973: 125]. Во время совершения свадебного обряда Настя практически уподобляется покойнику: «Ни кровинки не видно было в ее лице, и не бледное оно было, а как-то *почернело*» [Лесков 1973: 132]. И во время свадебного пира невестка Алена замечает: «...ты глянь на нее, какая она: краше в гроб кладут» [Лесков 1973: 136].

Тема смерти, берущая свое начало в эпизоде узнавания Настей о своем будущем замужестве от старшего брата Костика – «Противен он мне; смерть как противен!» [Лесков 1973: 124], – поддержана произнесенными героиней подряд двумя причетами, обращенными к брату, который выполняет функции отца, и его жене. Еще более примечательно Настино причитание, которое состоится при встрече с матерью многим позже свадебного дня: «Настя вскрикнула: «Матушка моя родимая! <...> Матушка, матушка! Зачем же ты меня выдала замуж? Иль я тебя не почитала, не берегла тебя, не смотрела за твоей старостью? <...> Погубили мою жизнь; продали мое тело, и душеньку продадут. Выпнули на позор, на муку, да меня ж упрекают, на меня ж плачутся» [Лесков 1973: 158]. На наш взгляд, данный причет сближается с

обвинениями покойника с того света: Настя уже «не рыдала, как мать, а плакала тихо, без звука, покойно плакала <...> Настя была покойнее, хотя собственно этот *покой человека, которому нечего больше терять* <...> Только она *еще будто немножко побледнела в лице, и под глазами у нее провелись синие кружки*» [Лесков 1973: 158-160]. Завершается сцена уходом матери из дома Прокудиных. Этот уход уподобляется уходу с дочерней могилы: «Заковыляла опять Петровна своею дорожкой» [Лесков 1973: 159], а Настя провожает мать, стоя на пороге (как известно, порог – пограничный локус, через который славяне поддерживали связь с потусторонним миром).

Начиная с эпизода осведомления о замужестве, жизнь как будто начинает вытекать из героини. По аналогии с архаическими метафорами «смерть-вода», «смерть-дерево» [Седакова 2004]³ можно предложить метафору «смерть-Настя» как единство, которое останется неизменным до конца произведения: «Она была в своем обыкновенном, убитом состоянии <...>» [Лесков 1973: 157]. Обратим внимание и на следующее замечание автора: «...Настя, как толкнул ее брат, так и осталась на том месте, оперлась рукой *о кадушечку с мукой* и все плакала» [Лесков 1973: 124]. На наш взгляд, в данном случае образ муки, сопровождаемый мотивом слез, выступает в качестве варианта метафоры «смерть-зерно» (мука – перемолотое зерно). Метафора «смерть-зерно» возникнет и в эпизоде свадебного пира: когда молодых приводят из «холодной пуньки» [Лесков 1973: 135], их приглашают за стол «есть когута жареного и пшеничную кашу с коровьим маслом» [Лесков 1973: 136]. В славянской погребальной обрядности жареный когут-петух (или курица) вместе с густой кашей, сдобренной жирным маслом – традиционная поминальная пища [Седакова 2004: 186, 188].

В представлениях славян похоронный обряд сопоставляется с «унылой свадьбой» [Седакова 2004: 141] (архаическая метафора «смерть-свадьба»). Поэтому неслучайно ряд свадебной терминологии переносится в обряд

---

³ «Архаическая метафора сливает сопоставленные вещи и смыслы в нерасчленимое единство» [Седакова 2004: 21].

похорон: «...з.-укр. *дружки, дружби, последнибоярг* – носильщики гроба девушки. Умерший в плачах именуется как жених или невеста: *князь, панич, утгнка* [Свенццкий 1912], сами похороны уподобляются *смутному весглю* [там же]» [Седакова 2004: 140-141]. В повести Лескова читаем: «Говорил народ, что не свадьба это была, а похороны <...> Настя сидела обок мужа не живая, не мертвая <...> горько! Подсластите молодой князь со княгинею» [Лесков 1973: 132]. Утром свадебного дня Настю одевают «к венцу», поют песни, расплетают девичью косу, что отсылает нас не только к этапу свадебного обряда (обряжание невесты), но и к обычаю хоронить молодых девушек в свадебном облиии (обряжание покойника). Затем Настю посадили «в господскую кибитку, обвешанную красными платками» [Лесков 1973: 132], которая напоминает гроб, т.к. по славянскому обычаю девушек и детей опускали в могилу на платках. Душевное омертвление Насти поддержано ее молчанием («никому ни словечка не промолвила», «ничего не ответила») и обездвижением в церкви до и во время венчания («как стала, так и стоит потупя глаза и не шелохнется»). Да и ожидание в церкви попа собравшимися больше напоминает не предвкушение светлого праздника, а прощание с умершим у могилы (все «измерзли, поминаются»). Поэтому последующее раздаривание приданого в господском доме находит свои параллели и в традиции при похоронах девушки ее приданое раздавать подругам [Седакова 2004: 44]. Вспомним, что и в дни от рукобитья до свадьбы Настя «словно как прощалась со всеми молча» (особенно с самыми дорогими для нее людьми – матерью и маленькой Машей), «тяжко мучилась, приготавливаясь свой честный венец принять».

Новые родственники Прокудиной принимают ее состояние за «испорченность»: «дьявола, который сидит в испорченной боятся» [Лесков 1973: 144]. Они словно отпевают и хоронят Настю, когда просят священника прочитать заклинание на злого духа: «Стала Настя биться у них в руках, побледнела как смерть и кричит <...> Настя долго оставалась без чувств, как мертвая <...> Настю понесли на руках и положили на зеленой могилке, где она и очнулась» [Лесков 1973: 166-167]. В отличие от родственников, автор видит в

героине ангельское начало: «Всегда Настя была добрая и кроткая, а тут, в эти три недели, совсем *точно ангел небесный стала*. И жалкая она такая была, что смотреть на нее никак нельзя: словно тень ее ходит, а ее самой как нет, будто душечка ее отлетела» [Лесков 1973: 125]. На первый план выходит мотив святости. По традиционным народным представлениям, ходячий покойник – представитель нечистой силы и несправедливой смерти, он не отбрасывает тень. Настя становится тенью, и это говорит о «прозрачности», чистоте героини, телесной и духовной, и о том, что смерть ее была «не своей».

Ангельское начало прослеживается в образе еще одной героини повести – Маши, господского ребенка. Именно к Маше, воплощению абсолютной чистоты, тянется в это время Настя, стремясь убежать, хотя бы временно, от бездуховности окружающего мира. Необходимо отметить, что в скором времени Маша умрет. Близость девочки к миру смерти и предчувствие Настиной тяжелой участи отражены в вешем сне: Маше снится женщина – «добрая, вся в белом, длинном-длинном платье, а на голове веночек из белых цветочков...» (и Настя понимает, что «совет» ей Григорий «веночек, да не тот»); далее – «Ты внизу, и мне только слышно было, что ты кричишь. Я глянула вниз, а тебя там волки рвут: черные такие, страшные» [Лесков 1973: 129]. Смерти героинь, Маши и Насти, соотнесены автором неслучайно. О. А. Седакова, говоря об эволюции представлений славян о своей / не своей смерти, пишет: «Вместе с *детской смертью* была переосмыслена и смерть от руки злодея: *страдание без сопротивления приобретало ореол мученичества Христа ради* – идея эта была усвоена народным сознанием из житий первых канонизированных русских святых, князей Бориса и Глеба» [Седакова 2004: 46-47]. В связи с агиографической традицией в повести О. В. Васильева замечает: «"Зеркальность" судьбы лесковской героини и канонизированного святого реализуется в изображении их страдания, которое, с одной стороны, является испытанием на прочность веры, нравственных качеств, православных чувств. Но, с другой стороны, оно становится следствием отступления от христианских норм» [Васильева 2008: 222].

После кратковременного возрождения Насти (в любви к Степану) ее ждет возвращение в мир холода и смерти, которое знаменуется приездом Григория из Харькова в родной дом. В результате уговоров Насти они со Степаном убегают из дома в холодное время года. Позже, уже на этапе, он упрекнет ее: «Вот теперь было бы идти-то нам, Настя! Тепло, везде ночлег <...>» [Лесков 1973: 216]. Но для Насти холод становится привычной стихией настолько, что она не беспокоится даже о своем нерожденном ребенке. Холод отношений в доме Прокудиных для нее страшнее физического холода.

Мотивы холода и голода дополняются пространственным образом ямы-могилы. Степан не способен уберечь героиню и прячет беременную Настю в овинной яме, где она «целый день просидела <...> холодная и голодная» [Лесков 1973: 209]. Позже новорожденный Настей ребенок умрет в остроге, «холодная» и «сырая» казарма которого также мало чем отличалась от могилы: «С позеленелых стен и с закоптелого потолка беспрестанно падали холодные, грязные капли; вонючие испарения стоявшего в угле деревянного ушата делали атмосферу совсем не пригодною для дыхания»; ребенок «недолго терпел неприветливую встречу <...> попищал, поморщился и умер <...> еще в материнской утробе он заморился, и там ему было плохо; там он делил с матерью ее горе и муки. Теперь он лежал твердый и замерзший» [Лесков 1973: 212-215]. В этой «могиле» из рук Насти с трудом вырвут трупик ее младенца, которого она крепко прижимала к себе, накрыв своим телом. Здесь же героиня оставит и своего возлюбленного Степана, который умрет «от тифа в дмитровском остроге» [Лесков 1973: 217]. Как ни странно, Настя не умирает в этот момент физически. Однако, психически она оказывается сломленной обстоятельствами и в дом возвращается уже сумасшедшей. Ее «притягивает» к себе «смерть-зима». Дожив до ближайшей зимы, Настя «во время одной жестокой куры, замерзла в мухановском лесу» [Лесков 1973: 227]. Но и на этом мучения героини не заканчиваются: ее труп «оттаивают в избе и потрошат» [Лесков 1973: 230] (вспомним Машин сон о том, как Настю «волки рвут: черные такие, страшные»).

В повести Лескова народная нравственность, основанная на православной вере и событиях крестьянина с природным миром, противопоставлена бездуховным, звериным законам современного общества, где меркантилизм, эгоизм ведет к разрыву всех человеческих, в том числе и родственных связей. Настя, неспособная выразить свой протест действием, «страдает без сопротивления [и] приобретает [таким образом] ореол мученичества Христа ради» [Седакова 2004: 46-47]. Героиня ищет счастья в простых радостях жизни крестьянки, но утрачивает все, что может ее связывать с живой жизнью – ребенка, возлюбленного, дом, здоровье и даже телесную целостность. Мотивы смерти, проступающая в подтексте символика погребальной обрядности позволили Лескову воплотить картину не столько жизни гостомельской девушки, сколько затяжного умирания. Поэтому повесть может быть названа «повестью одной смерти».

Литература

Байбурин А. К., Левинтон Г. А. Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: погребальный обряд. М. : Наука, 1990. С. 64-99.

Васильева О. В. «Страдание» в мотивном комплексе повести Н. С. Лескова «Житие одной бабы» // Вестник ЧГУ. 2008. №3. С.221-225.

Лесков Н. С. Житие одной бабы // Лесков Н. С. Собр. соч. : в 6 т. Т.1. М. : Правда, 1973. – 432 с.

Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. – М.: «Индрик», 2004. – 320 с. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).

Шелковникова Л. Ф. «Грех» и «Добродетель» в системе религиозно-нравственных ценностей Н. С. Лескова // Культура и текст. 1998. №4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/greh-i-dobrodetel-v-sisteme-religiozno-nravstvennyh-tsennostey-n-s-leskova>(дата обращения: 04.03.2018).

*Махмутова Е. Р., Екатеринбург
(науч. рук. – Пращерук Н. В.)*

Сновидения в рассказе И. А.Бунина «Сны Чанга»

Mahmutova E. R.

Dreams in the story of I. A.Bunin «Dreams of Chang»

В статье рассматривается, каким образом тема сна воплощена в рассказе И.А. Бунина «Сны Чанга». В работе охарактеризованы особенности сна